

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Май ВЛАДИМИРСКИЙ

СОНЕТ

Нам не дано с тобою расставанье
И долгие нам встречи не даны.
Мы вечное с тобою ожиданье,
Мы вроде вместе, вместе и одни.

Когда приходишь ты, я угасаю,
Когда же я взрываю в небеса,
Тебя с небосвода прогоняю,
И это жизни время — чудеса.

Наш путь с тобой служение простое —
Сменять друг друга, говоря о том,
Что наступило время и иного
Не может быть в движении земном.

Да, мы с тобой разлучены судьбою,
Ты — Солнце, а меня зовут Луною.

А. ВАГАБОВ

Однажды ты, родная, не уйдешь,
И за тобою дверь уже не хлопнет,
Подаришь свет и боль
мою возьмешь,
И сердце только доброе запомнит.

Я запою о дальних берегах,
О самом сокровенном и любимом,
И ты поймешь, как сердцу дорога
И от души моей неотделима.

Себе и мне в насмешку
на солжешь,
И взглядом приласкаешь
меня томным...

Однажды ты, родная, не уйдешь,
И сердце только доброе запомнит.

С. ЧУВИН

Никто не сумеет, никто не поможет,
Никто не расскажет, как счастливы были.
Лишь зеленою взгляд отливает, тревожит,
И шум не смолкает от хлопанья крыльев.
И свет не проникнет в слепое оконце,
Он ангелом стать бы хотел, но не может,
Но вырастут крылья, он цепи отложит
И вдаль полетит за светящимся солнцем.

В. КУХАРИШИН

Спугну затаенную птицу души,
И звонко по плитам червонцы покатытся,
И дьявол, руща копытцами, издрасмешит,
Сначала рассердит, потом рассмешит.

А что же останется — разве что смех:
«Ах ты козлоногий, ни пана ли родственник?
Пойди ты... не нужно твоих мне утех,
Оставь на другого червонные россыпи».

Ты видишь — как птица под купол летит?
Мне только обузой какие-то крайности,
Что постная благодать иль пышные праздности,
Когда моя птица несется в зенит.

И солнце звенит, и червонцы гниют
Как должно душе черепками становятся.
И вот уж не птица, а птицы поют
Над домом моим, осененным бессонницей.

В. БАСОВА

Рассказ

ДОРОГА ВЕРНОСТИ

голоса разговаривали, недоумевая о причине такого взрыва. И только на следующий день все произошло. Игорь делал после ее рассказа молча ходил по комнате, и его молчание становилось тягостным. Наконец Людмила Ивановна не выдержала.

— Игорь, что ж ты молчишь-то?
— Вот не думал, что мне придется оправдываться. Да, я знаю эту женщину, вместе работаем, видел, что неравнодушна она ко мне, но я не давал ей повода, говорил это ей, говорю и вам. Я люблю Лелю, дорожу своей семьей и не думал, что мне придется это доказывать. Если вы мне верите, давайте жить, как жили. Если нет, я не смогу жить с человеком, которому слова важнее дела. Разве за эти семь лет я не доказал свою любовь и верность? — Он решительно встал и ушел в кабинет.

Ольга прикрыла уставшие глаза, ослабила судорожно сжатое тело. Оно ныло, как после побоев. Все эти дни она жила в страшном напряжении, не зная, на что решится. Игорь молча приходил и уходил, она мысленно молила его: «Ну, помоги ты мне, скажи хоть что-нибудь». Нет, не слышал, не внимал.

А вчера позвонила тогдашняя гостья и с угрозой в голосе сказала:
— Учи, бесплодная, он все равно уйдет ко мне и к сыну. — И она не выдержала.

Кто-то остановился напротив нее, она почувствовала на себе чей-то взгляд, открыла измученные страданием глаза. Лицо Игоря поразило ее своей бледностью и внутренним напряжением. Она с жалостью отметила, как он осунулся и постарел. Рядом с мужем стоял мужичок-замухрышка, про которых говорят «метр с кепкой».

— Вот настоящий отец того ребенка. Просто даме захотелось иметь мужа-интеллигента. Ольга перевела взгляд на спутника Игоря, тот под ее взглядом еще больше съежился и втянул голову в плечи. Ольга глубоко со вздохом вздохнула и почувствовала, как с нее медленно сходит напряжение последних месяцев, как тяжесть постепенно покидает душу, и она сделала навстречу мужу шаг, но он отступил и сухо сказал:
— Это ничего не меняет. Я не могу жить с человеком, который мне не верит.

Ольга сделала протестующий жест, но Игорь снова не дал ей сказать.

— Не теперь, Ольга! — Он впервые назвал ее так официально, и она все поняла. Он уходил неторопливой походкой уставшего человека, и Ольга сердцем поняла, что уходит он навсегда, еще не зная о том, что скоро будет отцом, а просить его вернуться она не станет, она слишком любит его.

Полуденное солнце нещадно палило за стенами вокзала. А здесь, в зале ожидания, было прохладно и даже сумеречно. Свободных мест не было, народ сидел повсюду: на подоконниках, на батареях парового отопления, на баулах и даже просто на полу, подстелив газеты. Ольга долго осматривалась, пока не решила пристроиться в углке возле газетного киоска. Она поставила сумку на бетонный пол, устало прислонилась к прохладной стене. Вокруг нее текла привычная вокзальная суета, разноголосые звуки людей и поездов, но она, казалось, ничего не замечала. События последних дней настолько вымотали ее физически, но более всего душевно, что она чувствовала себя опустошенной. Больше всего ей хотелось лечь лицом к стене, чтоб никому не видеть и не слышать, и вычеркнуть из памяти то, что случилось с ней за это время.

...Им кричали: «Горько!» Она целовала мужа и плакала от счастья. Сколько себя помнила, она всегда любила Игоря. Он был кумиром ее девичьих грез, хозяином ее судьбы, по нему она сверяла свои поступки, перенимала его привычки, манеру одеваться и ходить. Все в нем было по сердцу: как он говорит, слегка встряхивая копной рыжих волос, как шикарно носит галстуки. Она знала, в какой читальный зал он ходит, каких писателей предпочитает, какие стихи любит. И она читала те же книги, учила наизусть «его» стихи, проговаривая их на ночь, как молитву.

Она не видела никого, не слышала песен и поздравлений, не понимала происходящего, была будто во сне, и знала только одно — он здесь, он рядом и он — мой. «Мой» — это слово стало символом ее любви. Она не могла представить рядом с ним другую женщину, не могла вообразить, что он может кого-то еще так обнимать, что захватывало дух, смотреть в глаза ласково и восхищенно, трогать волосы, класть руку на плечо. Нет, он не мог, не должен, он только мой. Она старалась быть для него всем — другом, мамой, собеседницей, женой. Эта сумасшедшая любовь делала ее слабой и уязвимой. Нет, она не ревновала, не устраивала допросов с пристрастием, но была в ужасе от одной только мысли, что ему может понравиться какая-то другая женщина.

— Дочь, успокойся! — увещевала ее мать. — Будь просто счастливой.

И она была бы счастлива, если бы только исчезло то маленькое облачко с горизонта их любви.

...Они встретились все-таки в библиотеке, куда она ходила следом за ним вот уже 3 года. Он учился на юрфаке, а она заканчивала десятый класс. Зима в том году была на редкость снежная и холодная. Ольга от мороза раскраснелась и была особенно хороша в белой вязаной шапочке и толстом свитере. Она привычно искала его глазами и, не найдя, забеспокоилась, заметалась в панике, вдруг испугавшись, что опоздала, и он ушел. Неудача так расстроила ее, что она заплакала.

— Вам плохо? — он подошел незаметно, легонько тронул ее за плечо.

Она резко обернулась, но увидев родные рыжие кудри и удивительные зеленые глаза, рассмеялась:

— Уже нет.

Он с интересом глянул на нее, удивленно пожал плечами. Ее сияющие глаза вызвали у него ответную улыбку. Какая же у него была улыбка! Она бы жизнь отдала за эту улыбку! Он уходил. Она догнала его и, набравшись храбрости, спросила:

— Можно я вас провожу?

Он опешил от ее вопроса, но она увидела искорки восхищения в его глазах. Они молча оделись и, не сговариваясь, пошли пешком по темной улице. С ним хорошо было даже молчать, и она согласна была идти куда угодно. Она украдкой разглядывала его лицо: тонкие, как у девушки, брови, ресницы, хоть и короткие, но густые, и оттого зеленые глаза кажутся темными. Подбородок твердый, с ямочкой, губы, ох, эти губы! Она любила это лицо до спазмов в горле, до крика, до потери сознания.

— Давайте познакомимся, а то неудобно так идти, — наконец, проговорил юноша.

— Вас зовут Игорь, я знаю, — стараясь быть как можно бесшабашнее, выпалила Ольга, хотя сердце билось где-то в желудке. — А я Леля.

— Леля? Это как?..

— Леля, значит Оля. Меня все домашние так зовут. И в школе... — она застенялась. Сейчас он фыркнет — школьница... Леля... Но врать она не умела и теперь испугалась своей правды. Но Игорь неожиданно засмеялся:

— А я вас буду звать Лелечкой. У вас такое домашнее, уютное имя.

Незаметно они дошли до ее дома, постояли возле подъезда, поговорили. Игорь снял перчатку, дотронулся теплой рукой до ее щеки и забеспокоился:

— Вы совсем замерзли. Быстро домой. — Он подтолкнул ее к двери, но увидел ее лицо, сказал, — завтра у памятника Пушкину в шестнадцать часов.

Она пулей взлетела на пятый этаж, стремглав промчалась через прихожую к окну в зале, из которого открывался чудесный вид на парк, ледяную горку с малышней и троллейбусную остановку. Его нигде не было видно. Она огорченно вздохнула, но тут же сердце ее затрепетало от счастья — «Завтра».

...Он очень хотел ребенка, но время шло и ничего не менялось. Ольга ходила по врачам, ездили вдвоем на море — все безуспешно. Для нее рождение ребенка превратилось в навязчивую идею, и как неистово она любила мужа, так же неистово она хотела ребенка. И это желание доказать Игорю, а, может, себе, а, может, всему свету, что она нормальная женщина, сделало ее жизнь мучительной и тревожной. Она не была до конца счастлива, и была уверена, что и Игорь тоже.

...Та женщина пришла полгода назад, в ранних сумерках, когда муж еще не вернулся с работы. Миловидная, молодая, она улыбалась и правой рукой поддерживала огромный живот.

— Вы Оля, — не спрашивая, а как бы утверждая, сказала она. — Можно войти? Мне нужно вам кое-что сообщить.

Необъяснимая тревога, перерастающая в панику, захлестнула все ее существо. Она посторонилась, пропуская гостью вперед. Где-то в глубине сознания возникла мысль, что от прихода этой женщины будет зависеть вся ее дальнейшая судьба. А женщина неторопливо

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.

Постояв немало, он огляделся, ему показалось, что не было тех страшных трех лет войны, не было разлуки с матерью и сестрой.